

ГЛАВА 15

Восьмой день девятого месяца тридцать первого года правления под девизом Суйцзин ознаменовался возвращением ко двору Второго принца. Оправившись от долгой болезни, он предстал пред императорским престолом с речью, полной глубоких чувств и преданности.

Всего день спустя Четвёртый принц был лишён титула и помещён под домашний арест, а статус благочестивой наложницы Дэ-фэй — понижен. С этого момента из четырёх высших наложниц при дворе осталась лишь Шу-фэй, а положение сторонников наследного принца стало непоколебимым.

В анналах истории тридцать первый год Суйцзин остался как «Год великого перелома», когда старая и новая правящие элиты наконец завершили мирную смену власти. Историки отмечают, что будущий император Каньюань поначалу искусно скрывал свои таланты, накапливая силы в тени, и заручился поддержкой Цинь Су, князя Учжоу, чьё влияние оставалось исключительным при обоих правителях. Именно этот союз позволил нанести решающий удар в год переворота.

Цинь Су, князь Учжоу, был истинным столпом власти, державшим в руках бразды правления армией. Однако причина, по которой столь могущественный человек не вызывал опасений у монарха, была проста: он взял в жёны мужчину, тем самым добровольно лишив себя наследников.

Спутником жизни князя стал Чи Юй, известный в криминальном мире под прозвищем Убийца Ивового Листа. По неясным причинам он оказался в поместье Второго принца, а спустя год они сочетались браком. Этот союз продлился более двадцати лет. После смерти князя Цинь Су Чи Юй три года хранил траур у его могилы, после чего распустил организацию «Терем Ветров и Дождей» и бесследно исчез, чем вызвал немалое волнение в кругах мастеров боевых искусств.

Позже, при вскрытии усыпальницы князя Учжоу, в одном гробу были обнаружены останки двух мужчин. Историки утверждают, что Чи Юй покончил с собой прямо в гробнице возлюбленного. История Цинь Су и Чи Юя со временем обросла бесчисленным множеством легенд, заставлявших читателей проливать слёзы над их трагической преданностью.

Разумеется, все эти хроники грядущих веков мало заботили тех, кто жил в настоящем.

Вернувшись в столицу, Цинь Су взялся за дела с решительностью деспота. Он беспощадно отсек лишние ветви своей организации, тайно собрал доказательства преступлений семьи наложницы Дэ-фэй и, пролив несколько «сыновних» слёз перед императором, провёл чистку среди верхушки своих подчинённых.

Фэн Юньво, занимавший пост заместителя главы «Терема Ветров и Дождей», был сослан в Учжоу — личное владение Второго принца — с запретом возвращаться в столицу без особого приказа. Шэнь Чун же, напротив, остался в центре событий, получив под своё начало ещё

больше полномочий.

Фэн Юньво горько осознавал справедливость своей участи. Если бы его роль в деле о похищении всплыла, его бы затравили собственные люди из Терема, не говоря уже об оперативниках из системы тайной охраны. Второй принц, конечно, спасал его, но он понимал: это была и изощрённая месть.

Перед отъездом Фэн Юньво со слезами на глазах сжимал руку Шэнь Чуна:

— Сяо Чун, если выдастся свободная минутка, обязательно наведайся ко мне в Учжоу.

Разве мог Второй принц дать Шэнь Чуну хоть минуту свободного времени? Работа, работа и ещё раз работа! Он, на которого свалилась вся координация в столице, едва успевал вспомнить о существовании Фэн Юньво. Поездка в Учжоу? Князь Цинь на этот счёт выразился ясно: «Можете видеться во сне».

Был ли упущен какой-то важный момент? Ах да, тот самый вопрос, над которым Второй принц размышлял ещё в Юньчжоу.

Цинь Су был прирождённым диктатором — человеком властным, порывистым и часто непредсказуемым. Эти черты привели к закономерному результату: он даже не подумал спросить мнения самого Чи Юя. Оставив того в поместье под предлогом управления делами, князь вновь отправился во дворец.

Дворец Великого Правосудия

Старый император с годами становился всё терпимее. В юности он прошёл через горнило придворных интриг, с амбициями взошёл на трон и за десятилетия правления совершил немало великих дел. Однако возраст брал своё: силы иссякали, а былая жажда контроля сменялась философским спокойствием.

Единственное, что всё ещё заботило его — судьба сыновей. Теперь, когда преемник был выбран и медленно входил в курс дел, а остальные принцы вели себя относительно смирно, император чувствовал облегчение. Недавняя выходка Четвёртого принца против Второго расстроила его, поэтому появление Цинь Су вызвало в его сердце волну отеческой теплоты.

— Ты пришёл ко мне, чтобы...

Второй принц решительно опустился на колени:

— Сын ваш пришёл, дабы просить об исполнении императорского обещания.

В его руках покоился жетон-печать — залог монаршего слова. Император поначалу удивился, затем посмотрел с любопытством, смешанным с подозрением:

— И чего же ты просишь?

— Прошу о священном указе. Отец уже знает о моих чувствах к господину Чи. Я хочу даровать ему законный статус, — спокойно произнёс Цинь Су.

Император на мгновение лишился дара речи, а затем не выдержал и хлопнул ладонью по столу:

— Вздор!

— Мои чувства к господину Чи искренни. Надеюсь на милость и понимание отца.

Император смотрел на склонённую голову второго сына и чувствовал лишь усталость.

— Когда я выбирал тебе невест, каждый раз случалась беда. Тогда я понял, что ты не желаешь брака. Слухи о твоём «тяжёлом роке» были не совсем вымыслом — твоя судьба и впрямь слишком сурова для женщин. Но муж в качестве супруги... Второй, ты действительно к этому готов?

Цинь Су ответил с лёгкостью в голосе:

— Сын ваш и так слывёт человеком эксцентричным, так что одной причудой больше, одной меньше — совесть моя будет чиста. К тому же я всё равно не могу иметь детей. Какая разница, какого пола будет моя законная половина?

— Пусть будет по-твоему, — вздохнул император.

Он понимал больше, чем говорил. Влияние Второго принца было угрозой, а брак с мужчиной гарантировал, что Шестой принц, будущий император, сможет спокойно уживаться со старшим братом, не опасаясь конкуренции со стороны его потомков. Что же до репутации дома и толков черни... Народу плевать, на ком ты женишься, пока их животы полны!

А чиновники? Разве посмеют они перечить Цинь Су? За те десять лет, что он командовал армией и жил в столице, его личную жизнь обсуждали не раз. Все знали о его пристрастии к мужской красоте, но в лицо не смел бросить обвинение никто.

Император предпочёл «забыть», что никто не смел говорить лишь потому, что стоило кому-то подать жалобу, как Второй принц тут же окружал дом наглеца своими солдатами. Учёный книжник бессилён против воина, а уж против воина с хорошим образованием — и подавно.

Так Цинь Су, вполне довольный собой, вернулся в поместье. В тот вечер он прошептал на ухо Чи Юю:

— Завтра тебя ждёт сюрприз.

***

На следующий день Чи Юй изучал отчёты о доходах князя за последний месяц. В комнату торопливо вошла служанка и поклонилась:

— Господин, в главном зале прибыл евнух с императорским указом. Он адресован вам.

— Мне? — удивился Чи Юй.

В парадном дворе уже был установлен алтарь для благовоний. Посланец императора медленно развернул свиток и звучно провозгласил:

— Милостью Небес, Император объявляет: дошли до нас вести о благородстве, чистоте нрава и выдающемся облике господина Чи Юя. Сердце Наше преисполнилось радости. Ныне Второй принц, доблестью и верностью заслуживший Нашу милость, обратился с мольбой. Дабы свершилось благое дело, сим указом Мы нарекаем тебя супругой Второго принца с титулом Ванфэй. Все церемонии вверить Министерству обрядов и главе Астрономического приказа, дабы выбрали они благоприятный день для бракосочетания. Да узнают об этом внутри и за пределами двора. Повинуйтесь!

Чи Юй застыл. Что он сейчас услышал?!

Он принял указ на автомате, на чистом профессионализме проводил евнуха и, обернувшись, увидел Цинь Су. Тот, вальяжно развалившись в кресле главного зала, с улыбкой наблюдал за ним.

— Это и есть твой «сюрприз»? — голос Чи Юя непроизвольно сорвался на высокую ноту.

— Разве недостаточно удивительно? — усмехнулся Цинь Су.

«Это шок, а не радость! Что произошло, пока я был не в курсе? У него крыша поехала? Или я упустил какую-то деталь? Что с ним сделали во время похищения?!»

Глубоко вздохнув, чтобы унять бурю в душе, Чи Юй в упор посмотрел на князя:

— Нам нужно поговорить.

Они уединились в кабинете. Расселись по разные стороны массивного стола из красного дерева. Тонкий аромат благовоний с нотками мяты помог Чи Юю окончательно прийти в себя.

— Как это понимать? — спросил он, глядя на непроницаемое лицо Цинь Су.

— Помнишь дело Третьего принца? Отец дал мне жетон и пообещал исполнить любую просьбу. Вчера я обменял его на нашу свадьбу, — ответил князь. — Ты ведь любишь меня, так? Почему не радуешься?

«Когда это я успел тебя полюбить?! Почему я об этом не знаю?!» — мысленно возопил Чи Юй, но вслух спросил другое:

— Это часть какого-то политического плана?

Цинь Су покачал головой и вздохнул:

— Я никогда не иду против собственной воли ради интриг. Неужели ты думаешь, что я готов разрушить собственную жизнь ради шахматной партии? Брак — дело серьёзное. Я решился на это только потому, что ты мне по душе. Или ты считаешь, что я просто использую тебя?

В его голосе прозвучала искренняя обида. Чи Юй замолчал.

Из слов князя он извлёк много информации, но главным было одно: Цинь Су действительно в него влюблён. Причём, учитывая самоуверенность этого человека, тот наверняка вбил себе в голову, что его собственные чувства — лишь ответ на пламенную любовь Чи Юя, и иные варианты даже не рассматривал.

Но мог ли Чи Юй сказать сейчас: «Я тебя не люблю»?

Он смотрел на суровое, волевое лицо Цинь Су, и в памяти всплывали обрывки событий уходящего года. На мгновение образ князя из тех далёких, подавленных воспоминаний и этот Второй принц слились воедино — то же выражение невольной нежности и снисходительности.

Чи Юй знал: он — не тот Чи Юй, а принц — не тот Цинь Су. И всё же они снова и снова притягивались друг к другу. Он никогда не отрицал, что этот человек стал для него бесконечно важен. Просто раньше он считал это преданностью соратника, готового умереть за того, кто его понимает.

Теперь же, когда Цинь Су с непоколебимой уверенностью заявил: «Ты любишь меня, и я, так уж вышло, тоже тебя люблю», какая-то преграда внутри рухнула.

«Нарушение императорского указа — дело опасное, — подумал Чи Юй. — Даже с моим

мастерством выжить будет непросто. Так зачем сопротивляться? Если результат предопределён, стоит ли мучиться?»

Он кивнул и едва заметно улыбнулся:

— На какой день назначена свадьба?

Цинь Су довольно кивнул:

— Вот это другой разговор! А то стоишь с таким видом, будто на плаху ведут, весь триумф мне испортил. Мы с отцом всё обсудили. Мой статус выше, чем у обычного принца, поэтому, хоть мы и не будем кричать о свадьбе на каждом углу, церемония должна быть пышной. Все обряды пройдут внутри поместья. Устроим пир для своих, нечего посторонним на нас глазеть.

Это означало, что всё торжество ограничится стенами княжеского дома. О свадьбе узнают все, но саму церемонию увидят лишь братья принца. Чи Юй счёл это разумным. В конце концов, «невеста» не могла открыто показаться толпе. То, что император пошёл на изменение свадебного протокола ради сына, уже было неслыханной дерзостью.

***

До свадьбы оставался месяц. За три дня до торжества Чи Юй получил праздничное облачение. Наряд соответствовал рангу супруги великого князя, но был перешит на мужской лад. Впрочем, от алых одежд с золотым шитьём и расшитой накидки отказаться было невозможно.

Чи Юй, человек с железной волей, никогда не понимал, что значит «томиться от любви». В глубинах его памяти другой Чи Юй и другой Цинь Су ссорились, охладевали друг к другу и страдали. Но для него всё было проще: если человек нравится — нужно быть вместе. А если не сложится — разойтись по-хорошему.

Он коснулся пальцами тяжёлого красного шёлка и улыбнулся. Ему было спокойно.

В день свадьбы прибыли все принцы, за исключением заточённого Третьего и опального Четвёртого. Наследный принц поздравил брата первым и, улучив момент, когда они остались наедине, произнёс со сложным выражением:

— Не думал я, брат, что ты зайдёшь так далеко...

Цинь Су осушил кубок и ответил:

— Сегодня мой великий день, не порти его кислыми речами. Ты ведь меня знаешь.

Наследник понимающе улыбнулся и отошёл. Следом приблизился Пятый принц Цинь И:

— Брат, неужели ты и впрямь питаешь к Чи Юю такие чувства?

— Иначе зачем бы я вымаливал у отца указ? — усмехнулся Цинь Су.

С тех пор как весть о свадьбе разнеслась по столице, город гудел. Одни клеймили князя за поспешие приличий, другие восхищались его смелостью и верностью чувствам. Поскольку Чи Юй всегда держался в тени, никто толком не знал, кто он такой. Горожане называли его просто «господин Чи» и, зная о его невероятном мастерстве в боевых искусствах, шептались, что он — какой-то великий мастер из мира лесов и озёр. В те времена сила уважалась, и многие помалкивали лишь из страха, что ночью этот «мастер» навестит их на крыше дома.

Цинь Су не было дела до сплетен или до мнения братьев. Наступила брачная ночь, и он не собирался тратить её на пустяки. Разогнав шутников, пытавшихся подслушивать у дверей, он вернулся в спальню.

В мерцании красных свечей они с Чи Юем выпили ритуальное вино из соединённых кубков. Глотая хмельную влагу, Чи Юй внезапно вспомнил торжественную тишину какого-то собора из иного мира.

Оба этих обряда были настоящими. Как была настоящей и та церемония в другом мире, где он был генералом, а Цинь Су — императором.

Имена Цинь Су и Чи Юя раз за разом переплетались в узоре времён. словно им было суждено встречаться, влюбляться и связывать свои судьбы в каждом из миров.

Чи Юй закрыл глаза. Цинь Су обнял его, увлекая на ложе, и тяжёлый красный полог скрыл их от мира.

За миг до того, как погрузиться в забытье, Чи Юй услышал знакомый, бесстрастный голос:

[Миссия в данном мире завершена с идеальным результатом. Начинаю перемещение в следующий мир.]

<http://bllate.org/book/17538/1705657>